

Оркестр Ленинградской филармонии под управлением Е. Мравинского исполняет Девятую симфонию Д. Шостаковича.
Фото Д. Трахтенберга.

Д. ЖИТОМИРСКИЙ Первые исполнения 9-й симфонии Д. Шостаковича

В Ленинграде и в Москве под управлением Евгения Мравинского состоялись первые исполнения Девятой симфонии Шостаковича. Обе премьеры прошли с большим успехом как для композитора, так и для дирижера — одного из самых чутких интерпретаторов музыки Шостаковича.

Оркестровое исполнение симфонии камного обогатило впечатления, сложившиеся от ее первых проигрываний на фортепиано, — обнаружилось замечательные детали рисунка, совсем иным стал пульс симфонического развития. В оркестровом звучании эта лирическая «симфония - скерцо», как удачно определил ее один из критиков, воспринимается слушателями глубже, чем в клавирном изложении.

Неоднократно отмечалось уже коренное отличие Девятой симфонии от непосредственно предшествующих ей симфонических партитур Шостаковича. Это отличие определяется не только светлым тоном и скромными масштабами новой симфонии, но и особой уравновешенностью и гармоничностью всех ее элементов. В ней нет того рода «проблемности», которая в других произведениях Шостаковича вызывает необходимость острых формальных экспериментов, иногда неизбежно односторонних, субъективных, рождающих специфические трудности для восприятия. Поэтому эстетическая ценность музыки Шостаковича выявляет себя в Девятой симфонии с большей отчетливостью и в более общезначимой форме, чем в некоторых других его сочинениях. В этом смысле Девятая симфония стоит рядом с такими произведениями Шостаковича, как его струнные квартеты и фортепианный квинтет. Именно отсюда, через восприятие эстетической ценности, и рождается ощущение идейной весомости новой симфонии. При внешней простоте и легкости содержания Девятая симфония обладает той степенью художественной красоты и одухотворенности, которая позволяет прикоснуться к драгоценным жизненным истокам искусства. Этим и определяется значительность новой симфонии Шостаковича.

За последние годы Евгений Мравинский выступает как первый исполнитель почти всех новых симфонических партитур Шостаковича. Успех его в этой области вполне закономерен. В исполнительском облике Мравинского есть черты, чрезвычайно ценные именно для интерпретации музыки Шостаковича. Мравинскому абсолютно чужды сентиментальность, рыхлость, расплывчатость. Он любит ясные и суховатые линии оркестрового рисунка; он умеет «слушать» отдельные голоса, но владеет и исключительно компактным и сильным tutti; он любит точную фразировку, ясную и мудро расчленившую градацию динамических оттенков. Все это позволило Мравинскому и на этот раз дать убедительную и художественно законченную интерпретацию новой симфонии Шостаковича.

Следует отметить, что кажущаяся простота Девятой симфонии обуславливает чрезвычайно большие исполнительские трудности. Партитура симфонии на редкость прозрачна: линии отдельных голосов отчетливы во всех деталях мелодического рисунка. Симфония содержит большое количество «концертирующих» эпизодов и рассчитана на виртуозные качества ансамбля и его отдельных участников. Как справились с исполнением сим-

фонии оркестры Москвы и Ленинграда?

Первая из двух премьер состоялась в Ленинграде в день открытия симфонического сезона. Оркестр Ленинградской филармонии вновь показал себя, как коллектив, обладающий высокими художественными качествами, хотя и не вполне ровный по своему составу. Сильной стороной ленинградского исполнения была чуткая передача общего характера произведения, его подвижности, тонкой смены нюансов, изящной камерности звучания. Из «концертирующих» эпизодов прекрасно звучали все соло фагота, исполнитель которых А. Васильев владеет редким по красоте звуком. Отмечу также выдающегося солиста оркестра В. Генслера (кларнет). К сожалению, далеко не все другие ответственные партии были исполнены с нужной чистотой и точностью. Технические погрешности вносили иногда расплывчатость в четкий рисунок партитуры (например, в главной теме скерцо, во второй теме финала).

В Москве симфония была исполнена Государственным оркестром Союза ССР, отлично справившимся с техническими трудностями произведения. Уже на репетициях почувствовались преимущества московского исполнения: ясная очерченность всех голосов, виртуозный блеск в ряде сольных эпизодов. Правда, следует заметить, что эти качества были достигнуты за счет некоторой форсированности общего звучания. И на репетициях, и в концерте дирижер явно стремился умерить этот «нажим», сочетать отчетливость отдельных линий с общей непринужденностью и легкостью движения. Ему удалось добиться этого не во всем. И все же московское исполнение было очень удачным и выявило всю ювелирную точность, весь колористический блеск партитуры Шостаковича. Отлично зарекомендовали себя солисты оркестра: Г. Саакян (флейта-пикколо), Н. Харьковский (флейта), А. Петров (гобой), П. Бочкарев (кларнет), И. Воробьев (фагот), Л. Юрьев (труба).

В заключение хочется отметить еще одно общее достоинство исполнения: Мравинский превосходно ощущает природу юмора Шостаковича.

Об этом стоит вспомнить, так как премьеры Девятой симфонии вновь оживили споры о гротеске Шостаковича, о его парадоксальных контрастах «серьезного» и «несерьезного». Думается, что сущность этих контрастов и их органичность в творчестве Шостаковича понять сейчас легче, чем раньше. Рост и раскрытие индивидуальности композитора показали, что особая острота его иронии рождалась из того же источника, что и особая романтическая приподнятость и душевная чистота его положительных образов, его лирики.

На новом этапе зрелости композитора его творчество претерпело внутренние изменения. В буффонде сгладились плакатные преувеличения и дерзкое «разрушительство». Возросли строгость вкуса, уравновешенность и гармоничность средств, и благодаря этому сблизилось между собой и обнаружилось глубокое внутреннее единство то, что прежде могло казаться парадоксально противоречивым.

Интерпретация Девятой симфонии Мравинским лишней раз показывает внутреннее единство стиля Шостаковича, глубокую значительность всех его творческих замыслов.